

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА

ВЕРЕНИЦА ЛИТЕР

К 60-ЛЕТИЮ
В. М. ЖИВОВА

Signatur 5481404
Inventarnr. 2007/104-1648

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2006

2007/104-1648

ББК 63.3(2)4
В 74

Редакционная коллегия:

А. А. Пичхадзе, А. М. Молдован (отв. редактор), Р. А. Евстифеева

В 74 Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова / ИРЯ РАН; Отв. ред. А. М. Молдован. — М.: Языки славянской культуры, 2006. — 624 с.: ил. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 5-9551-0153-5

Сборник включает статьи по широкому кругу вопросов, связанных с изучением древнерусской письменности: эпиграфики, текстологии, кодикологии, исторической грамматики и лексикологии. В сборник вошли также статьи по истории русской литературы и культуры, истории русско-византийских отношений. Ряд статей посвящен вопросам лексической семантики, стиховедения, поэтики, языка художественной литературы. Представлены публикации текстов древнего и новейшего периода и мемуарные заметки. Сборник представляет интерес для лингвистов, литературоведов, историков и культурологов.

ББК 63.3(2)4

ISBN 5-9551-0153-5

© Авторы, 2006
© Языки славянской культуры, 2006

«РУССКИЙ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ» В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹

П. В. Петрухин
ИРЯ РАН,
Д. В. Сичинава
ВИНИТИ РАН, Москва

1. Вводные замечания

«Русским плюсквамперфектом» в работах по истории русского языка именуют глагольную форму, состоящую (согласно традиционным представлениям) из перфекта вспомогательного глагола *быти* и действительного причастия прошедшего времени на *-л-*. По причинам, о которых будет сказано ниже (см. раздел 5), мы предпочитаем в данном случае говорить о причастии с двумя вспомогательными глаголами (связками). В памятниках преобладает усеченная форма (с одной связкой, типа *ходилъ былъ*); это связано с тем, что чаще всего «русский плюсквамперфект» встречается в третьем лице, где в древнерусском перфекте связка нередко отсутствует (а для форм, отмеченных в не книжных текстах, это практически регулярное правило: [van Schooneveld 1959: 134—140; Горшкова, Хабургаев 1997: 326, Зализняк 2004: 177—178]). В тех редких случаях, когда «русский плюсквамперфект» встречается в первом или во втором лице, в раннедревнерусский период употребляются два вспомогательных глагола — типа *ходилъ есмь былъ* (см. ниже в разделе 4 примеры 7, 8, 10), в более поздних памятниках возможна утрата связки также и в этих формах (см. там же пример 11).

Традиционное название «русский плюсквамперфект» подчеркивает, что данная форма, не представленная в старославянском, была свойственна живой речи средневековых восточных славян. Действительно, она, как правило, используется в тех регистрах древнерусской письменности, где более всего находит отражение разговорный язык соответствующего времени (деловые и бытовые

---

¹ Во время работы над статьей П. В. Петрухин находился на стажировке в Германии (Georg-August-Universität Göttingen) по стипендии фонда А. фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt-Stiftung).

памятники, в частности берестяные грамоты) или, по крайней мере, допускаются интерференция с разговорным узусом (ср. летописи, где значительная доля употреблений «русского плюсквамперфекта» приходится на прямую речь)².

Из всех древнерусских прошедших времен «русский плюсквамперфект», пожалуй, наименее изучен; насколько нам известно, практически нет специальных работ, посвященных ему. Можно присоединиться к словам С. К. Пожарицкой: «В работах по исторической морфологии русского языка описание эволюции плюсквамперфекта обычно занимает ничтожно малое место; притом в разных работах часто используются одни и те же цитаты как из письменных памятников, так и из записей диалектной речи» [Пожарицкая 1996: 269]. И тому, видимо, есть две причины: 1) редкость этой формы (так, согласно [ДГ XII—XIII: 461], все отмеченные в текстах XII—XIII вв. употребления ограничиваются четырьмя примерами); 2) неясность ее семантики, которая явным образом не вписывается в рамки общепринятых представлений о плюсквамперфекте.

Однако в последнее время оба эти обстоятельства претерпели изменения: во-первых, благодаря находкам и новому прочтению берестяных грамот несколько увеличился корпус примеров; во-вторых, новейшие исследования в области типологии плюсквамперфекта позволили по-новому взглянуть на устройство данной грамматической категории в целом и интересующей нас древнерусской формы в частности.

Задача настоящей работы — рассмотреть «русский плюсквамперфект» в одном ряду с аналогичными грамматическими показателями других европейских языков (некоторые из этих показателей уже неплохо изучены). Мы не стремимся дать здесь исчерпывающее описание семантики этой формы или, тем более, привести полный список ее употреблений, скажем, в памятниках раннего периода. Однако, как нам представляется, анализ «русского плюсквамперфекта» в типологическом освещении закладывает основу для дальнейшей работы в этом направлении.

Изучение семантики древнерусских глагольных времен в типологической перспективе — особая лингвистическая задача, разработка которой только начинается. Мы используем так называемый «подход Байби—Даля» (см. работы [Dahl 1985; Bybee, Dahl 1989; Bybee et al. 1994; Dahl 2000]), согласно которому в различных языках мира грамматические показатели, обнаруживающие формальное и семантическое сходство, образуют устойчивые типы показателей (cross-linguistic gram types); иными словами, морфологическое устройство и семантика грамматических показателей идут рука об руку.

---

² О понятии регистра в древнерусской письменности см.: [Живов 1996: 31—41].

2. О семантике плюсквамперфекта

Согласно традиционным воззрениям, плюсквамперфект обозначает ‘предшествование в прошедшем’ или ‘давнопрошедшее’. Однако проводившиеся с начала 1970-х годов типологические исследования глагольных систем языков мира показали, что в действительности плюсквамперфект обладает целым рядом дополнительных нетривиальных значений, устойчиво представленных в генетически не связанных между собой языках, и более того, что значения ‘давнопрошедшее’ и даже в некоторых случаях ‘предшествование в прошедшем’ не являются непременно атрибутами формы, обладающей характерными признаками плюсквамперфекта.

Так, в работах ([Comrie 1985; Dahl 1985; Шоштайшвили 1998а; Плунгян 2001], обобщающий список значений с примерами см. также в [Сичинава 2003]) установлено, что в большинстве языков мира плюсквамперфект, помимо значения предшествования в прошедшем (т. е. сочетания таксиса, или относительного времени, и абсолютного времени) и не всегда делимых от него употреблений, связанных с переносом семантики перфекта в план прошедшего (‘событие, актуальное в некоторый момент в прошедшем’ и ‘результатирующее состояние в прошедшем’), имеет дополнительные значения, которые связаны с помещением ситуации в семантическую зону, отграниченную от момента речи. В частности, это значения «аннулированного результата» (в контекстах вроде *Построили и разорили Трою*), «прекращенной ситуации» (*Некогда он был медиком, сейчас же он гробовщик*) и «прерванного действия» (*Пошел было, да воротился*). К этой группе значений близки значения контрфактического условия и/или следствия (*Если бы у мальчика были деньги, он купил бы подарок для девочки*), эвиденциальное значение (связанное с непрямой засвидетельствованностью того, о чем идет речь, с передачей информации «из вторых рук») и так называемое экспериенциальное³.

³ Казалось бы, экспериенциальное значение выбивается из этого ряда, поскольку обозначает, напротив, связь с настоящим: «данная ситуация осуществилась по крайней мере один раз в прошлом, что привело к нынешнему положению вещей» [Comrie 1976: 58], или, в несколько более узком понимании, «агенту приписываются некоторые качества или некоторые знания в связи с прошлым опытом» [Bybee et al. 1994: 62]: *Видала ли ты моего брата? Ему случилось есть эту пищу*. Действительно, в большинстве языков здесь выступает форма перфекта, маркирующая связь с настоящим; однако «плюсквамперфектная стратегия» все же засвидетельствована в целом ряде генетически не связанных языков, например, адыгейском или корейском (значительный материал собран в неопубликованной работе [Вострикова 2005]). Это объясняется тем, что экспериенциальность нередко связана с действием, которое в настоящем, как правило, уже не осуществляется (т. н. «неактуальный экспериенциал»: *Когда-то я играл на рояле*), «опыт» здесь противопоставляется «практике». Сущест-

До сих пор обстоятельно не изучены дискурсивные функции плюсквамперфекта, т. е. связанные со структурированием монологического или диалогического текста и местом данного события в пространстве текста (применительно к английскому материалу см. [Саенapeel 1995; Lascarides, Asher 1993], относительно типологического материала важные указания есть в [Dahl 1997] и [Plungian, van der Auwera, in print]). О таком специфическом типе дискурса, как нарратив, известно, что здесь плюсквамперфект не всегда указывает просто на некоторое событие, предшествующее основной линии повествования: он может также обозначать события, «посторонние» по отношению к событиям основной линии (out-of-sequence в терминологии Т. Гивона), а кроме того, употребляется в зачине повествования, сигнализируя о принадлежности всего нарратива плану «неактуального прошедшего». Последняя функция названа одним из авторов настоящей работы ([Сичинава 2001; в печати]) функцией «сдвига начальной точки».

Таким образом, в большинстве языков мира плюсквамперфект — это не только прошедшее (пусть даже предшествующее некоторому другому событию в прошлом), а «прошедшее и не настоящее», прошедшее, не продолжающееся в настоящем и не релевантное для него (ср. понятие «текущей нерелевантности» — *current irrelevance* — применительно к значению аннулированного результата в работе [Dahl, Hedin 2000]). Для обозначения этого феномена использовались термины «закрытый временной интервал в прошлом» (*past temporal frame*) — в работах [Dahl 1985] и [Squartini 1999] и «сверхпрошлое» (*superpassé*, «зона сверхпрошлого») — в работах [Arnavielle 1978] и [Плунгян 2001]. В уже упоминавшейся статье [Plungian, van der Auwera, in print] для указанного множества значений предложено название «непродолженное прошедшее» (*discontinuous past*).

3. «Сверхсложные формы» как ареально-типологический феномен

Форма «русского» плюсквамперфекта входит в ряд структурно и семантически аналогичных глагольных форм, распространенных в целом ряде языков Европы.

Речь идет о формах плюсквамперфекта, состоящих из вспомогательного глагола в форме перфекта и причастия прошедшего времени — или, что в большинстве случаев то же самое, образующихся из аналитических форм перфекта путем прибавления причастия прошедшего времени вспомогательного глагола.

вуют языки, где перфект выражает «актуальный опыт», а плюсквамперфект — «неактуальный» (например, итальянский: [Maiden, Robustelli 2000: 293]); впоследствии это значение, вероятно, обобщается как экспериенциальность вообще.

Данные формы привлекают интерес исследователей начиная с классической работы [Foulet 1925], посвященной французскому языку. Во французской грамматической традиции такие времена называются сверхсложными⁴ (*temps surcomposés*). Их распространение засвидетельствовано на значительной части романской территории⁵, а также в нидерландском, немецком (особенно южные диалекты) и идиш; сверхсложные формы развились также в баскском языке ([Naase 1994: 282]; степень романского влияния, учитывая то, что в Иберии подобные формы практически не засвидетельствованы, здесь неясна). Наконец, что особенно важно, и среди славянских языков «русский плюсквамперфект» не одинок: сверхсложные формы плюсквамперфекта существуют в словацком, сербохорватском, словенском и болгарском⁶ и ранее существовали в польском и чешском (ср. соответствующие разделы в статьях издания [Славянские языки 2005]; о плюсквамперфекте в некоторых славянских языках см. также работу [Молошная 1996]).

Несмотря на то, что по сверхсложным формам в отдельных языках существуют важные работы, содержащие много фактического материала (прежде всего [Foulet 1925; Cornu 1953; Engel 1996] о французском, [Holtus 1995] о всех романских, подытожившая достаточно объемную группу работ разных исследователей монография [Litvinov, Radčenko 1998] о немецком), системных замечаний о семантике сверхсложных форм, насколько нам известно, ранее не делалось (в содержательных обзорах [Abraham 1999] и [Thieroff 2000] эти формы приравниваются к «обычному» плюсквамперфекту). Между тем, их семантика отражает совершенно четкий специфический круг значений, который — как увидим ниже — находит прямые соответствия в «русском плюсквамперфекте».

---

⁴ В русскоязычной литературе, например в [Романские языки 2001], термин *surcomposés* передается как *сверхсложные*; во всяком случае, очевидно, что русская лингвистическая терминология не знает такого разнобоя, какой характерен для европейской (в [Holtus 1995] перечисляются 8 французских терминов, 7 немецких, 6 итальянских — и даже этот список, как мы убедились, неполон). Мы следуем этому употреблению, калькирующему наиболее распространенный термин — фр. *formes surcomposées*, принятый к тому же в до сих пор, на наш взгляд, не превзойденной работе Люсьена Фуле.

⁵ Практически везде, кроме иберо-романских языков и диалектов южной Италии, где долгое сохранение синтетического аориста (а в португальском и плюсквамперфекта) с двух сторон «сдерживало» дальнейшее распространение аналитических форм прошедшего.

⁶ В болгарском языке эти формы принадлежат к парадигме «пересказывательного» («заглазного») наклонения; см. недавнюю монографию [Levin-Steinmann 2004] (где проводятся, в частности, типологические параллели с западноевропейскими «сверхсложными» формами).

Как показывают наблюдения в [Сичинава 2002], сверхсложные формы в языках Европы передают, как правило, не традиционно считающиеся основными значения плюсквамперфекта — таксисное и ‘результатирующее состояние в прошедшем’, а именно вышеочерченный (см. раздел 2) круг дополнительных значений из «зоны сверхпрошлого». Особенно характерны значения ‘прекращенной ситуации’ и ‘аннулированного результата’⁷.

В литературном французском языке форма *passé surcomposé* обозначает непосредственное предшествование и фактически эквивалентна по значению форме *passé antérieur*, отличаясь от нее лишь в регистровом плане: *passé antérieur* используется в основном в письменных текстах, а *passé surcomposé* — в устной речи. Однако в южных диалектах французского эта форма регулярно передает другие значения, в том числе значение ‘аннулированного результата’ и ‘прекращенной ситуации’, ср.:

(1) *Il a eu coupé, ce couteau* [Foulet 1925: 232].

‘Он резал, нож-то’ [а теперь не режет] (‘прекращенная ситуация’);

(2) *Il nous l'a bien eu dit, mais on a oublié* [Bleton 1982: 35].

‘Конечно, он нам это говорил, но мы это забыли’ (‘аннулированный результат’).

Значение ‘аннулированного результата’ свойственно также сверхсложной форме в немецком языке, так называемому Perfekt II, ср.:

(3) *Hier hast du deine Hundemarke wieder. Hab sie ganz vergessen gehabt.* (Remarque).

‘Вот твой жетон для собаки⁸. Я совсем о нем забыл’ [«жетон был некогда забыт, а теперь уже нет»] [Thieroff 1992: 214; Sherebkow 1971: 28].

Характерно, что, насколько можно судить, сверхсложные формы типа *passé surcomposé* обычно появляются на той стадии эволюции языковой системы, когда простые претериты (по крайней мере, перфективный претерит — аорист, — как в романских языках) начинают постепенно вытесняться (бывшим) перфектом. Так, во французском языке форма *passé surcomposé* вошла в широкое употребление в XVI в., когда *passé composé* в разговорном языке стал вытеснять *passé simple* (что в конечном счете привело к тому, что употребление этой последней формы ограничилось письменным нарративом) [Salkie 1989].

⁷ Кроме того, сверхсложный плюсквамперфект (по крайней мере романский) имеет экспериенциальные употребления.

⁸ Значок, который прикрепляется к ошейнику и показывает, что хозяин заплатил налог на собаку; так герои Ремарка иронически называют солдатский жетон.

Здесь невозможно не провести аналогию с древнерусским. Ведь хотя, как известно, среди историков русского языка нет единого мнения относительно времени исчезновения аориста, имперфекта и «книжного» плюсквамперфекта в восточнославянском и прихода им на смену универсальной формы прошедшего времени на *-л-* (бывшего перфекта) (см. об этом, в частности: [Klepin 1993], тот факт, что сам процесс имел место, не подлежит сомнению. Более того, как представляется, изучение восточнославянской сверхсложной формы в типологической перспективе может способствовать прояснению хронологии данного процесса.

В этом смысле очень показателен цюрихский немецкий (Züritüütsch). Как пишет М. Сквартини [Squartini 1999], пяти формам системы прошедших времен, представленных в стандартном немецком (Perfekt, Präteritum, Plusquamperfekt, Perfekt II, Plusquamperfekt II), в Züritüütsch соответствуют всего две — перфект со связкой, функционирующий как простое прошедшее, и «сверхсложный» плюсквамперфект, состоящий (как «русский плюсквамперфект», *passé surcomposé* и другие подобные формы) из перфекта вспомогательного глагола и причастия прошедшего времени. При этом данная форма передает результирующее значение (4) и значение аннулированного результата («reversed result», по Сквартини) (5), ср.:

(4) *Won ich en bi go sueche, hät er scho züglet ghaa.*

‘Когда я стал его искать, он уже уехал’ (результативное значение);

Контекст: говорящая перепутала имена в списке, но затем заметила ошибку и исправила ее:

(5) *Ich ha s verwächslet ghaa.*

‘Я (было) перепутала это [но теперь ошибка исправлена]’ (результат ошибки аннулирован).

Наконец, аналогичную картину можно наблюдать и в одном из современных славянских языков — сербохорватском. Согласно исследованию [Thomas 2000: 119], в этом языке *л-*форма (совершенного и несовершенного вида) в настоящий момент практически вытеснила аорист и имперфект из разговорного языка, ограничив их употребление некоторыми письменными регистрами; соответственно, различия между «классическим» плюсквамперфектом, образованным при помощи имперфекта вспомогательного глагола (*on beše napisao*) и сверхсложным плюсквамперфектом (*je bio napisao / bila napisala*), также носят стилистический характер, однако частотность второго гораздо выше (первый служит для «архаизации текста»). При этом сверхсложная форма не используется в таксисном значении ‘предшествование в прошлом’, а в значении ‘результатирующее состояние в прошлом’ употребляется факультативно наряду с *л-*формой. Единственное значение, для пере-

дачи которого непременно требуется использовать эту форму, — значение ‘аннулированного результата’, ср.:

(6) *Ja sam ga bila oprala. Otkud sad na njemu ove mrlje?*

‘Я мыла / стирала эту вещь. Откуда же на ней взялись эти пятна?’

Таким образом, «сверхсложный» плюсквамперфект возникает в глагольной системе, где утрачен (или почти утрачен) аорист (или, как в славянских языках, аорист и имперфект) и, как следствие, разрушена (или почти разрушена) система «последовательности времен». При этом «классический» плюсквамперфект уступает место молодой сверхсложной форме, однако последняя уже не имеет таксисного значения предшествования, но передает другие значения из «зоны сверхпрошлого» [Плунгян 2001; Plungian, van der Auwera, in print], такие как ‘прекращенная ситуация’ и ‘аннулированный результат’.

4. Семантика «русского плюсквамперфекта» в типологическом освещении

Согласно Г. А. Хабургаеву [1978: 51], «русский плюсквамперфект» указывает на «действие или состояние, впоследствии (не обязательно в прошлом!) “отмененное” или нереализованное, прерванное и т. п.» (разрядка Г. А. Хабургаева).

Иначе описывает значение этой формы А. А. Зализняк [2004: 176], по мнению которого ее основная функция «состоит в обозначении события в прошлом как такового, без подчеркивания его связи с настоящим. Речь может идти, в частности, о событии, которое произошло вчера (а не сегодня), в прошлом году (а не в нынешнем), давно (а не только что) и т. п. Семантический элемент предшествования другому событию в прошлом при этом отсутствует. Как правило, это те ситуации, где в книжном языке был бы употреблен аорист». В частности, ни в одном из употреблений «народного» плюсквамперфекта в берестяных грамотах А. А. Зализняк не обнаружил значения, сходного со значением современной конструкции с частицей *было*.

Несмотря на кажущееся противоречие, на наш взгляд, оба эти подхода дополняют друг друга, причем их синтез возможен именно в свете вышеизложенных типологических сведений. Действительно, значение «русского плюсквамперфекта» не сводится ни к «прерванному» или «отмененному» действию (как у современной русской частицы *было*), ни к простому прошедшему: это прежде всего значение ‘неактуального прошедшего’, откуда и подчеркнутое отсутствие связи с настоящим, и указание на недостижимость результата или его отмену последующими действиями/событиями.

Показателен следующий пример из Повести временных лет по Лаврентьевскому списку:

- (7) *Исакий же рече: «Се уже прелсти мѧ еси быль, дѡволе, сѡдѡца на едином мѡстѣ; а уже не имам са затвориши в пещерѣ, но имам та побѣдити, хода в манастирьѣ»* (ПВЛ, л. 65 об.; 6582/1074 г.)

(Контекст: Исакию, жившему отшельником в пещере, явились бесы в образе ангелов и заставили поклониться себе, после чего сказали: «Нашъ еси, Исакие, уже!». После этого Исакий два года пролежал без движения и выжил только стараниями Феодосия Печерского, который ухаживал за ним. Его возвращение к жизни летописец описывает как второе рождение: Исакий «аки младенець» учился есть, говорить, понимать человеческую речь, вставать на ноги и ходить, его насильно приводили в церковь и т. п. Вполне придя в себя, Исакий решил не возвращаться в пещеру, а поселиться с остальной братией в монастыре.)

Таким образом, событие, к которому отсылает здесь сверхсложный плюсквамперфект, имело весьма ощутимые результаты, что делает несколько проблематичным использование частицы *было* в данном контексте. Данной фразой Исакий не пытается отрицать сам факт «прелести» (в древнерусском значении этого слова), но решительно проводит черту между своим прошлым и настоящим, прежней жизнью, где имела место «прелестъ», и новой. Характерно, что показатель *быль* представлен только в Лаврентьевском списке ПВЛ: в более поздних списках находим *прельстиль еси*.

Для следующего примера из Новгородской Первой летописи по Синадальному списку еще менее вероятна подстановка в переводе вместо сверхсложной формы современной конструкции с *было*, так как использование этой частицы с глаголами несовершенного вида лексически очень ограничено (в основном кругом глаголов желания, намерения и т. п., ср.: [Шоштайшвили 1998б: 70]):

- (8) *томъ ж лѣтѣ князь ярославъ преже сѧ рати поиде въ пльсковѣ съ посадникомъ иванкомъ и тѣмъ чьскъи вачеславъ и слѣзшавше пльсковѣици, яко идеть к нимъ князь, и затвориша са въ городѣ, не поучѡша к совѣ. князь же постоѡвѣ на дѣвровнѣ възпати са в новъгородѣ, промѣкла бо са вѣсть вѡше си въ плькове, яко везеть оковъ, хотѡ ковати вѡцъшене мѡуж, и пришьдѣ створи вѣче въ влѣчнѣ дворѣ, и речѣ яко не мѣклѡвъ кѡсмъ до пльковичъ грѡубѡ ничего же, нѣ везѣтъ кѡсмъ вѣзѣтъ въ коровѡхѣ дѡрѣ, пѡволокъѣ и овоць, а они ма овѣщѣствовѡли* (НПЛ, л. 104; 6736/1228 г.)⁹.

С семантикой 'неактуального прошедшего' связана также присущая данной форме функция «сдвига начальной точки». Как пишет А. А. Зализняк, в этом случае фраза, содержащая «русский плюсквамперфект», «относит пове-

⁹ Мы использовали электронный текст НПЛ, подготовленный А. А. Гиппиусом и В. С. Голышенко.

ствование к сфере не связанного непосредственно с настоящим моментом прошлого» [Зализняк 2004: 176]. Такое употребление отмечено в нескольких берестяных грамотах [Там же]; наиболее яркий пример — новгородская берестяная грамота № 724 (1166/1167 гг., согласно [НБГ 1990—1996: 25]) — практически единственный (из обнаруженных до сих пор документов) достаточно длинный не книжный нарративный текст столь раннего времени, начинающийся так [Зализняк 2004: 350]:

- (9) *Ѡ Савы поклонане къ братыи и дрѣжинѣ. Оставили ма были людье, да остатъ дани исправити было имъ досени, а по первомъ иѣти послати и отъбыти проче. И заславъ Захаръ а въ в[ѣ]ре дрѣкль...*

Как уже говорилось выше (раздел 2), такое употребление вполне нормально для плюсквамперфекта ряда европейских языков (например, немецкого [Шендельс 1970: 106—107] или итальянского¹⁰).

Самыми частотными для древнерусской сверхсложной формы, видимо, являются употребления с семантикой 'отмененного результата', причем это значение явно просматривается и в тех примерах, которые А. А. Зализняк интерпретирует как содержащие простое «аористическое» прошедшее. Так, в следующем примере (ср. [Зализняк 2004: 176]) речь идет об измене крестному целованию (присяге), а значит, результат события, к которому отсылает сверхсложная форма, аннулирован:

- (10) *Хочю искати Новагорода и добромъ и лихомъ, а хрѣтъ есте были ѡбловали ко мнѣ на томъ, яко имѣти мене княземъ собѣ [Ипат., 6668/1161 г., л. 182—182 об.].*

Аналогичный пример Зализняк [Там же] приводит из грамоты Василия II Темного (здесь уже в первом лице утрачена связка *есми*) где говорится об отмене принятого ранее решения:

¹⁰ В итальянском нарративе нередко в плюсквамперфекте строится «вступление» к рассказу (несколько предложений), а дальнейшее повествование ведется в *passato remoto*: Don Camillo si era lasciato un po' andare durante un fervorino a sfondo locale con qualche puntatina piuttosto forte per *quelli là* e così, la sera dopo, attaccatosi alle corde delle campane perché il campanaro l'avevano chiamato chi sa dove, era successo l'inferno. 'Дон Камилло [накануне] малость увлекся, обличая местные нравы и в особенности «тех самых, которые», и вот, тем же вечером, как только он ухватился за колокольные веревки, ибо звонарь уехал (букв.: его позвали) бог знает по какому делу, случилось нечто ужасное' (Giovannino Guareschi, «Inseguimento su strada»). В русском переводе требуется введение наречия типа *накануне*, передающего информацию, выраженную в оригинале плюсквамперфектом, иначе возникает впечатление, что дается некая ситуация, актуальная для основной линии повествования. Авторы признательны Ольге Гуревич за данный пример.

- (11) *Что и^x села в Радонѣжи ..., и къ³ кня³ велики велѣль бы^л своему волостелю радонѣжскому в тѣ^x и^x селе^x ... хрестыи^л и^x судити. И но-нича [есми ихъ пожа]лова^л, своему есми волостелю хрестыи^л их в тѣ^x ихъ селехъ ... судити не велѣль* [АСЭИ, 1, № 260, 1455—1462 гг.].

То же, на наш взгляд, верно и относительно того единственного примера среди берестяных грамот, в котором, по мнению А. А. Зализняка [2004: 175], «русский плюсквамперфект» передает таксисное значение предшествования другому действию в прошлом, т. е. выступает в функции, свойственной «книжному» плюсквамперфекту¹¹:

- (12) *Съ урадѣса (-диса) Аковъ съ Гюрьгьмо и съ Харѣтономъ по бьсудь-ной грамотѣ, что быль возаль Гюрьгѣ грамоту в ызьѣжьной пшьнѣцѣ, а Харѣтоно во проторѣхо своѣхъ* [грамота № 366].

«Бессудная грамота — правая (т. е. подтверждающая правоту) грамота, выдаваемая судьей истцу в случае, если ответчик не явился в назначенный срок в суд. Грамота № 366 — составленный при свидетелях документ о том, каким именно образом было осуществлено взыскание по выданной судьей Гюргию и Харитону грамоте» [Зализняк 2004: 613]. Поскольку в судебном процессе поставлена точка, бессудная грамота (и акт ее выдачи), естественно, утрачивает юридическую силу.

Примечательно, что «русский плюсквамперфект» вообще не отмечен в типичном для книжной формы плюсквамперфекта значении ‘результатирующее состояние в прошедшем’ (ср.: [Петрухин 2004]). Это является характерной чертой сверхсложного плюсквамперфекта не только в древнерусском языке, но и в средневековой чешской письменности [Чернов 1961: 11].

Чрезвычайно характерно для семантики этой формы, что в том единственном известном нам случае, когда «русский плюсквамперфект» встретился в памятниках с глаголом необратимого результата (*умръти*), речь идет о смерти, за которой последовало чудесное воскресение из мертвых:

- (13) *И влѣзучи есть во врата градка того (Вифании), на деснѣй руцѣ есть пещера, и въ той пещерѣ есть гробъ святаго Лазаря; и въ той келии Лазарь болѣль, ту же и умерль былъ (Хождение игумена Даниила, цит. по [van Schooneveld 1959: 136]).*

Имеется в виду «ретроспекция со времени второй жизни Лазаря на тот период, когда он был мертв» [Там же]; форма *умерль былъ* говорит о хорошо

¹¹ В отличие от сверхсложной формы, выражающей прежде всего нетаксисные значения, для книжного древнерусского плюсквамперфекта, состоящего из вспомогательного глагола в форме имперфекта или «имперфективного аориста» и л-причастия, значение предшествования другому событию в прошлом является основным.

известной читателям Даниила первой смерти Лазаря, после которой Иисус воскресил его; просто *умерль* означало бы, что воскресения не было.

5. Сверхсложные формы и проблема аддитивных показателей «ретроспективного сдвига» / «неактуального прошедшего»

Со сверхсложными формами связано множество загадок: каково их происхождение? почему именно такая структура? именно такой набор значений? и т. д. В случае с восточнославянскими языками возникает еще один вопрос: действительно ли современная русская конструкция с *было* (и аналогичные конструкции в украинском и белорусском) восходит к «русскому плюсквам-перфекту» (как предполагал, например, Г. А. Хабургаев [1978])?

Можно выдвинуть гипотезу (она предложена в неопубликованной работе одного из соавторов [Сичинава 2002]), согласно которой сверхсложные конструкции следует рассматривать не как комбинацию из вспомогательного глагола в форме перфекта плюс причастие прошедшего времени, а как перфект плюс специальный показатель «ретроспективного сдвига»: так, форма типа *j'ai eu lu* (в южнофранцузских диалектах) — это перфект *j'ai lu* плюс показатель «ретроспективного сдвига» *eu* (а не *j'ai eu + lu*, как принято считать)¹²; в таком случае восточнославянское *везль есмь былъ* — это *везль есмь* плюс *былъ* (а не *везль + есмь былъ*).

Термин «ретроспективный сдвиг» [Плунгян 2001] (ср. также термин «ретроспективное время» в [Коваль, Нялибули 1997]) обозначает лингвистический феномен, наблюдаемый в широком спектре генетически не связанных друг с другом языков «с преимущественной грамматикализацией аспектуальных, а не темпоральных противопоставлений» [Плунгян 2001: 108]. Показатель «ретроспективного сдвига» отличается от обычных временных показателей тем, что он присоединяется не к неохарактеризованной в темпоральном (и/или аспектуальном) плане глагольной основе, а к глагольной форме, уже имеющей определенную видо-временную интерпретацию; функция же показателя «ретроспективного сдвига» заключается в том, что он «сдвигает» обо-

¹² Среди аргументов в пользу такой точки зрения — использование сверхсложными формами, например, в южнофранцузских диалектах [Foulet 1925; Hill 1984], реторманском [Liver 1982] и идиш [Gold 1998] одного и того же причастия прошедшего времени как для переходных, так и для непереходных глаголов, при том что обычный перфект требует в первом случае причастия от глагола *иметь*, а во втором — от глагола *быть* (впрочем, в цюрихском немецком эта дифференциация сохраняется, а для древнерусского данный критерий просто нерелевантен); кроме того, в пользу этой трактовки говорят и некоторые наблюдения просодического характера, согласно которым второй вспомогательный глагол приобретает известную автономию [Jolivet 1984].

значающую ситуацию назад по временной оси. Возникающие в результате формы могут иметь классическое плюсквамперфектное значение предшествования другому событию в прошлом, но, кроме того, для них практически обязателен (в отличие от плюсквамперфекта «европейского типа») и набор других значений из «зоны сверхпрошлого», а именно: 1) отдаленное прошлое; 2) ситуация, которая больше не имеет места; 3) ситуация, результат которой был аннулирован; 4) ирреальное условие [Плунгян 2001: 82].

Как можно видеть, по крайней мере два значения из этого набора — ‘прекращенная ситуация’ и ‘аннулированный результат’ — свойственны и сверхсложным формам, в том числе и «русскому плюсквамперфекту» (в ряде языков сверхсложные формы принимают также и другие значения из перечисленных выше, но в данном случае нас это менее интересует). Если же принять во внимание гипотезу о том, что сверхсложные формы на самом деле представляют собой «ретроспективизированный» при помощи специального показателя перфект, то их типологическое сходство с теми формами, о которых пишет В. А. Плунгян (анализирующий главным образом материал неиндоевропейских языков, где соответствующие показатели формально устроены иначе), оказывается достаточно убедительным.

В этой связи в новом свете предстает история современной русской частицы *было* (в конструкциях типа *пошел было*), которую В. А. Плунгян [2001] также причисляет к показателям ретроспективного сдвига. Ее семантика в общих чертах связана со значениями ‘прерванного действия’ (*пошел было, но вернулся*) и ‘аннулированного результата’ (*согласился было*) — при глаголах совершенного вида, а также (реже) ‘прекращенной ситуации’ (*хотел было*) — при глаголах несовершенного вида. Подробнее о данной конструкции см. специально посвященные ей работы [Barentsen 1986; Шошитайшвили 1998б; Князев 2004]. Практически общепринятой является гипотеза о том, что она восходит к «русскому плюсквамперфекту» [Хабургаев 1978] (впрочем, существует также предположение о влиянии финно-угорского субстрата, ср. [Шошитайшвили 1998а]). Если же рассматривать *был-* в формах типа *везль есмь былъ* как показатель ретроспективного сдвига, модифицирующий семантику обычного перфекта со связкой, то становится очевидно, что специфика функций этого показателя в общем сохранилась с древнейших времен, когда были написаны первые восточнославянские тексты; формальные изменения состояли в утрате перфектом связки, а показателем *был-* — согласования (подобно, например, условной частице *бы*, которая в раннем древнерусском имела полную парадигму спряжения)¹³; семантика, претерпев некото-

¹³ В современном украинском семантически полностью аналогичная частица *був, була, було, були* сохранила согласование [Chinkarouk 1998], так же в современ-

рые изменения, сохранила наиболее характерные черты — значения недостигнутого и аннулированного результата.

Любопытно в этой связи, что, согласно предположению А. А. Зализняка [1993: 285—286], *был-* в составе «русского плюсквамперфекта» функционировал как энклитика, в то время как в независимом употреблении это была акцентно самостоятельная словоформа — энклиномен (аналогичная ситуация — со связкой *есть, суть*). Данная особенность сохранилась у словоформ *был, было* «в современных выражениях, исторически восходящих к плюсквамперфекту: *жёл-был у бабушки...; он было пошёл, да раздумал*» [Там же] (аналогичным образом отчасти сохранила древние просодические свойства современная частица *бы* [Там же: 298]). Хотя это наблюдение не может служить аргументом при определении грамматического статуса показателя *был-* в составе «русского плюсквамперфекта» (являлся ли он причастием в составе связки-перфекта или автономным показателем), оно безусловно указывает на еще один важный аспект преемственности между древней формой и новой.

6. Конструкции — наследники «русского плюсквамперфекта» в современных русских говорах

Ценным свидетельством истории формального и содержательного развития русских плюсквамперфектных показателей являются севернорусские говоры (Архангельской и частично Вологодской областей). Речь идет о представленных в них конструкциях с согласованной или несогласованной частицей *было (был, была, были)*¹⁴. Семантика их богаче и нетривиальнее, чем у похожей конструкции в современном литературном языке. Ее подробному анализу посвящены две работы С. К. Пожарицкой [Пожарицкая 1991; 1996].

Оказывается, что подобные конструкции выражают набор значений, близкий к набору значений древнерусского плюсквамперфекта, а кроме того, соответствующий типологически семантике сверхсложных форм в языках Европы.

Прежде всего отметим, что в говорах конструкция, восходящая к плюсквамперфекту, выступает преимущественно «в простом предложении с одним сказуемым» [Пожарицкая 1991: 789], то есть в контекстах, как отмечает автор, нетипичных для реализации таксисного значения. И действительно,

---

ном белорусском [Анічэнка 1957: 179]. Вопрос о том, когда показатель *был-* утратил согласование в говорах, легших в основу современного русского литературного языка, остается открытым.

¹⁴ Согласованная частица характерна для северных районов Архангельской области и отражает, очевидно, более старое языковое состояние, несогласованная — для южных говоров данного ареала, находящихся ближе к великорусскому центру, куда также распространилась эта инновация [Пожарицкая 1996: 271]

лишь очень немногие из этих примеров могут быть интерпретированы как воплощающие ‘предшествование в прошедшем’, но при этом они все так или иначе передают значение ‘неактуального прошедшего’ или ‘аннулированного результата’.

Значение неактуального прошедшего («основное значение этой глагольной формы — разрыв с настоящим, отдаленность от настоящего, которое не является прямым результатом действия или события, обозначенного плюсквамперфектной формой» [Пожарицкая 1991: 792], «показ разрыва с настоящим, отделенности от настоящего, неактуальность результата действия для момента речи» [Пожарицкая 1996: 273]):

- (14) *В Мосеево вся деревня была сгорела.*
- (15) *Все комсомольцы были разорили.*
- (16) *Сколько-то тоже был он ведь сидел, а потом-то всю жизнь председателем работал.*
- (17) *Кудряшка была пела ходила.¹⁵ померла уж.*
- (18) *Я тоже на Татьяну-ту ругалась-то была.*

Что же касается значения аннулированного результата, характерного для конструкции с частицей *было* в литературном языке, то оно, согласно Пожарицкой, в обсуждаемых говорах представлено в меньшинстве случаев (хотя и значительном):

- (19) *Сын-от женился был на учительнице, да запил — она его выгнала.*
- (20) *Така бывалошна чистенка-та стара была, вся заросла была, дак вот дед-от подчистил.*

Не исключено, судя по указанию на «большую дейктическую самостоятельность *было*, которое как бы вводит ситуацию прошедшего времени, о котором ведется рассказ» [Пожарицкая 1991: 790]), что значение «сдвига начальной точки» также представлено в анализируемом материале. К сожалению, в обсуждаемых статьях не приводятся фрагменты текстов (только отдельные предложения), а диагностировать дискурсивные функции той или иной глагольной формы можно лишь располагая полным текстом или, по крайней мере, достаточно широким контекстом примера. В цитируемых С. К. Пожарицкой примерах «введение ситуации прошедшего времени» совмещено с семантикой ‘прекращенной ситуации’:

---

¹⁵ Перед нами так называемый «двойной глагол», от которого целиком (а не от какого-то одного из двух) образуется рассматриваемая диалектная конструкция. Явление «сериализации», или «двойных глаголов» (типологически хорошо известное), в русском языке связывается с финно-угорским субстратом (ср. применительно к русскому материалу [Вайс 2003]).

(21) *У меня мама-то было была.*

(22) *Было у нас еропорт был вóде.*

Особенно интересен с типологической точки зрения тот факт, что несогласуемое *было* функционирует в целом ряде говоров как «глагольный детерминант» [Пожарицкая 1991: 791], присоединяющийся не только к словоформам прошедшего времени, но и настоящего и будущего времени, а также предикатива и сигнализирующий перенос ситуации в неактуальный временной план. Это демонстрируется также и «акцентным усилением *было*» [Там же] — совершенно сходным с акцентной автономизацией второго вспомогательного глагола в некоторых европейских сверхсложных формах. Перед нами не что иное, как единообразный показатель ретроспективного сдвига:

(23) *А он как валят было косит, дак скосит, что выбреет.*

(24) *А хлеба-то где было возьмешь?*

(25) *Я сама делала лопату, нету было.*

С. К. Пожарицкая отмечает, что «употребление *было* в качестве глагольного детерминанта едва ли следует связывать с историей русского плюсквамперфекта» [1991: 791].

Действительно, здесь можно предполагать прежде всего контактное (а также, вероятно, субстратное, со стороны несохранившихся диалектов) влияние финно-угорских языков. В современных пермских и волжских языках в качестве показателя ретроспективного сдвига выступают неизменяемые формы вроде удмуртского *вал* (этимологически — также ‘быть’ в прошедшем времени): этот показатель присоединяется к словоформам всех трех времен — прошедшего, настоящего и будущего — с аналогичным эффектом [Серебренников 1960: 121—126]. В удмуртском языке сочетание *вал* и формы перфекта либо простого прошедшего дает две синонимичные формы плюсквамперфекта, развивающие значения, свойственные «неактуальной» семантической зоне, а именно «аннулированный результат» (26) и «неактуальное прошедшее» / «давнопрошедшее» (27):

(26) *Мон со пала мынэм вал но, шоер сюрес кузя отчы мыныны уг луы вылэм.*

‘Я пошел было в том направлении, но оказалось, что прямой дорогой туда не пойдешь’;

(27) *Кураськись вераз вал мыным. Ключи гуртысь Устинэн луэм со уж.*

‘Нищий мне об этом рассказывал. Случилось это дело с Устином из деревни Ключи’.

Сочетание *вал* с формой будущего времени означает «многократное действие в прошлом» [Серебренников 1960: 125] — так же как и русское диалектное *было* *возьмешь* (или литературное *возьмешь* *бывало*):

- (28) «*О макем жингрес, макем чебер та греческий кыл!*» — *шуылоз вал со.*
 ‘«О как звучен, как прекрасен греческий язык!» — говорил он’.

Сочетание *вал* с формой настоящего времени дает так называемое «прошедшее длительное», которое употребляется в том числе и «в целях создания общего фона, на котором разворачивается ряд других действий» [Серебренников 1960: 127]:

- (29) *Мы нэнэным Изёй гуртэ мынйськом вал. Нюлэскы вуим, но шур сьорысен пумитамы беглойёс потйзы.*
 ‘Шли мы с матерью в деревню Изей. Когда мы пришли в лес, из-за реки навстречу нам вышли беглецы’.

Аналогичные показатели ретроспективного сдвига есть также в коми-зырянском (*вóли*, образует с перфектом плюсквамперфект, а с презенсом прошедшее длительное время, имеющее и употребления с семантикой ‘прекращенная ситуация’) и в марийском (*ыле*, функции те же); оба эти показателя, как и удмуртское *вал* и русское *было*, представляют собой «застывшую форму» третьего лица единственного числа глагола ‘быть’.

Тем не менее близость семантики *было* как аддитивного показателя к типологически известной семантике плюсквамперфекта (и «русского плюсквамперфекта» в частности) очевидна, и в любом случае подобное развитие нельзя списывать всецело на счет контактного или субстратного влияния. Перед нами скорее результат конвергенции, «встречного движения» славянских и финно-угорских форм с близкой семантикой, причем ситуация в обобщаемых говорах уже ближе к финно-угорским.

Отметим, кстати, что сказочный зачин *жили-были*, который нередко считают прямым наследником древнерусского плюсквамперфекта, скорее всего, также является калькой с аналогичной финно-угорской конструкции, что убедительно показано в монографии [Ткаченко 1979]. Вместе с тем в древнерусском языке, как мы уже видели, плюсквамперфект с *был* — имел зачинную семантику («сдвиг начальной точки»), так что «встречное движение» конструкций разных языков не исключено и здесь (ср. также [Сичинава, в печати]).

Таким образом, материал современных северных говоров демонстрирует сохранение семантической зоны, характерной для «русского плюсквамперфекта». С другой стороны, в говорах гораздо шире отражено значение ‘прекращенной ситуации’, чем значение ‘прерванного действия’ или ‘действия с аннулированным результатом’. Последнее обстоятельство отличает диалектную форму как от сверхсложного показателя древнерусских письменных памятников, так и от конструкции с частицей *было* современного русского ли-

тературного языка, где значения недостигнутого или аннулированного результата являются основными.

Надо признать, что для объяснения этого различия нам не хватает сведений о семантике древнерусской сверхсложной формы, прежде всего о том, могла ли она передавать значение 'прекращенной ситуации'. В зависимости от ответа на этот вопрос возможны следующие альтернативные интерпретации данных севернорусских диалектов:

- положительный ответ означал бы, по-видимому, что диалектные формы унаследовали и сохранили до наших дней набор значений «русского плюсквамперфекта», а в современном литературном языке он подвергся сильной редукции;
- в случае отрицательного ответа надо полагать, что северные говоры прошли особый путь развития, связанный с обобщением значения 'недостигнутый или аннулированный результат' в сторону 'неактуального прошедшего' вообще, литературный же язык непосредственно продолжает ситуацию, засвидетельствованную в древнерусских памятниках.

В обоих случаях существенную роль мог играть финно-угорский субстрат: в первом способствуя консервации древней семантики, во втором стимулируя развитие новых значений.

Типологические соображения говорят, скорее, в пользу первого решения: в большинстве языков, где у плюсквамперфекта представлено значение 'аннулированный результат', оно сопровождается также и другими типами употреблений, связанными с неактуальным прошедшим (ср. [Dahl 1985]). И действительно, как мы видели (раздел 4), у «русского плюсквамперфекта» имеется значение 'сдвиг начальной точки', а кроме того, и его «антирезультативные» [Плунгян 2001] употребления далеко не всегда похожи на употребления современной частицы *было*.

Однако возможен и третий вариант: значение 'неактуального прошедшего' было свойственно восточнославянской сверхсложной форме на раннем этапе, затем было утеряно и вновь «возродилось» на русском севере под финно-угорским влиянием. Такая картина выглядит вполне правдоподобной, если иметь в виду известную роль циклических процессов в жизни языка.

Несомненно, самостоятельной чертой северных говоров является развитие типологически известной для западноевропейских языков (но отсутствующей в литературных славянских) тенденции к появлению единообразного показателя ретроспективного сдвига. Последнему, по всей видимости, способствовало субстратное и/или контактное влияние финно-угорских языков.

7. Заключение

Мы проанализировали древнерусский сверхсложный плюсквамперфект на фоне типологически близких к нему (и структурно, и семантически), но возникших независимо глагольных форм в европейских языках. Оказывается, что давно привлекавшие внимание исследователей особенности этой формы — ее неупотребительность в «собственно плюсквамперфектных» контекстах «предшествования в прошедшем» и «результатирующего состояния в плане прошедшего», загадочные «абсолютные», казалось бы, немотивированные употребления, проблема связи с современной «антирезультативной» конструкцией типа *пошел было* — находят точные или чрезвычайно близкие параллели в материале неродственных языков. Эти соответствия показывают, что форме, образуемой при помощи специфической морфологической техники (перфект вспомогательного глагола или, что то же самое, дополнительный вспомогательный глагол), преимущественно свойственны значения, связанные не с упорядочиванием временной последовательности повествования, а прежде всего со специфической семантикой зоны «неактуального прошедшего».

Очевидно при этом, что, для того чтобы прояснить ряд вопросов, связанных с «русским плюсквамперфектом», в том числе возникших в свете типологических данных, необходимо продолжить исследование этой формы.

Литература и источники

- Анічэнка 1957 — *Анічэнка У. В.* Формы плюсквамперфекта ў беларускай пісьменнасці XV—XVI ст.ст. // Учен. зап. Мозырского педагогического ин-та. Вып. 1. 1957.
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1—3. М., 1952—1964.
- Вайс 2003 — *Вайс Д.* Русские двойные глаголы и их соответствия в финно-угорских языках // Рус. яз. в науч. освещении. 2003. № 2 (6). С. 37—59.
- Вострикова 2005 — *Вострикова Н. В.* Типология средств выражения экспериенциального значения: Дипломная работа. МГУ, 2005.
- Горшкова, Хабургаев 1997 — *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1997.
- ДГ XII—XIII — Древнерусская грамматика XII—XIII вв. М., 1995.
- Живов 1996 — *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- Зализняк 1993 — *Зализняк А. А.* К изучению языка берестяных грамот // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.). М., 1993. С. 191—321.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1962.
- Князев 2004 — *Князев Ю. П.* Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке // Сокровенные смыслы: слово, текст, культура: Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004. С. 296—304.

- Коваль, Нялибули 1997 — *Коваль А. И., Нялибули Б. А.* Глагол фула в типологическом освещении. М., 1997.
- Молошная 1996 — *Молошная Т. Н.* Плюсквамперфект в системе грамматических форм глагола в современных славянских языках // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сб. к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996. С. 564—573.
- НБГ 1990—1996 — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990—1996 гг.). М., 2000.
- НПЛ — Новгородская харатейная летопись / Изд. М. Н. Тихомирова. М., 1964.
- ПВЛ — Повесть временных лет. Т. 1—2 / Подгот. текста, перев. и примеч. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1950. (2-е изд.: СПб., 1996).
- Петрухин 2004 — *Петрухин П. В.* Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // *Russian Linguistics*. Vol. 28. 2004. С. 73—107.
- Плунгян 2001 — *Плунгян В. А.* Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории. М., 2001. С. 50—88.
- Пожарицкая 1991 — *Пожарицкая С. К.* О семантике некоторых форм прошедшего времени глагола в севернорусском наречии // *Revue des études slaves*. Vol. LXIII, fasc. 4. 1991. С. 787—799.
- Пожарицкая 1996 — *Пожарицкая С. К.* Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // *Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования*. 1991—1993. М., 1996. С. 268—279.
- Романские языки 2001 — *Языки мира: Романские языки* / Под ред. И. И. Чельшевой, Б. П. Нарумова, О. И. Романовой. М., 2001.
- Серебренников 1960 — *Серебренников Б. А.* Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской группы. М., 1960.
- Сичинава 2001 — *Сичинава Д. В.* Плюсквамперфект и ретроспективный сдвиг в языке сантали // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории. М., 2001. С. 89—114.
- Сичинава 2002 — *Сичинава Д. В.* Типология глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта: Дипломная работа. МГУ, 2002.
- Сичинава 2003 — *Сичинава Д. В.* К типологии глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта: casus latinus // *Вопросы языкознания*. 2003. № 5. С. 40—52.
- Сичинава (в печати) — *Сичинава Д. В.* «Сдвиг начальной точки»: использование некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные категории (в печати).
- Славянские языки 2005 — *Языки мира: Славянские языки*. М. 2005.
- Ткаченко 1979 — *Ткаченко О. Б.* Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. Киев, 1979.
- Хабургаев 1978 — *Хабургаев Г. А.* Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // *Вестник МГУ*. Сер. 9, Филология. 1978. № 4. С. 42—53.
- Чернов 1961 — *Чернов В. И.* Плюсквамперфект в истории русского языка сравнительно с чешским и старославянским языками: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1961.

- Шендельс 1970 — Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка). М., 1970.
- Шошитайшвили 1998а — Шошитайшвили И. А. Функции и статус плюсквамперфекта в глагольной системе: Дисс. ... канд. филол. наук / РГГУ. М., 1998.
- Шошитайшвили 1998б — Шошитайшвили И. А. Русское «было»: пути грамматикализации // Русистика сегодня. 1998. 3/4. С. 59—78.
- Abraham 1999 — Abraham W. 1999. Preterite decay as a European areal phenomenon // *Folia Linguistica*. 1999. XXXIII/1. P. 1—18.
- Arnavielle 1978 — Arnavielle T. Remarques sur l'emploi du plus-que-parfait de l'indicatif en français moderne // *Mélanges de philologie romane offerts à Charles Camproux*. Vol. 2. Montpellier: Centre d'études occitanes, 1978. P. 615—621.
- Barentsen 1986 — Barentsen A. A. The use of the particle БЫЛО in modern Russian // *Dutch Studies in Russian Linguistics*. 1986. Vol. 8. P. 1—68.
- Bleton 1982 — Bleton P. La surcomposition dans le verbe français // *Canadian Journal of Linguistics*. 1982. 27/1. P. 31—70.
- Bybee, Dahl 1989 — Bybee J. L., Dahl Ö. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies in Language*. 13. 1989. 1. P. 51—103.
- Bybee et al. 1994 — The Evolution of Grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world / Ed. by J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. Chicago; London, 1994.
- Caenepeel 1995 — Caenepeel M. Aspect and text structure // *Linguistics*. 1995. 33/2. P. 213—53.
- Chinkarouk 1998 — Chinkarouk O. Le Plus-que-parfait dans la phrase complexe (coordination et juxtaposition) en ukrainien moderne // *Le Langage et l'Homme*. 1998. XXXIII/1. P. 39—53.
- Comrie 1976 — Comrie B. Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems. Cambridge, 1976.
- Comrie 1985 — Comrie B. Tense. Cambridge, 1985.
- Cornu 1953 — Cornu M. Les formes surcomposées en français. Bern, 1953.
- Dahl 1985 — Dahl Ö. Tense and Aspect Systems. Oxford, 1985.
- Dahl 1997 — Dahl Ö. The relation between past time reference and counterfactuality: a new look // A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). *On Conditionals Again*. Amsterdam, 1997. P. 97—114.
- Dahl 2000 — Dahl Ö. The tense-aspect systems in European languages in a typological perspective // *Tense and Aspect in the Languages of Europe* / Ed. by Ö. Dahl. Berlin; New York, 2000. P. 3—25.
- Dahl, Hedin 2000 — Dahl Ö., Hedin E. Current relevance and event relevance // *Tense and Aspect in the Languages of Europe* / Ed. by Ö. Dahl. Berlin; New York, 2000. P. 385—402.
- Engel 1996 — Engel D. M. Le passé du passé // *Word*. 1996. 47/1. P. 41—62.
- Foulet 1925 — Foulet L. Le développement des formes surcomposées // *Romania*. 1925. 51. P. 203—252.
- Gold 1998 — Gold E. Structural Differences: The Yiddish Pluperfect and Future Perfect // *Monatshefte für deutschsprachige Literatur und Kultur*. 1998. 90/2. S. 227—236.
- Haase 1994 — Haase M. Tense and aspect in Basque // *Tense Systems in European Languages* / Ed by R. Thieroff, J. Ballweg. Tübingen, 1994. (Linguistische Arbeiten, 308).

- Hill 1984 — *Hill J. K.* 'A la recherche des temps perdus': the double-compound forms of the verb in present-day French // *Word*. 1984. 35/1. P. 89—112.
- Holtus 1995 — *Holtus G.* Zur Verbreitung der formes surcomposées in den romanischen Sprachen // W. Dahmen et al. (Hrsgb.), *Konvergenz und Divergenz in den romanischen Sprachen*. 1995. S. 85—114. (Romanistisches Kolloquium VIII).
- Jolivet 1984 — *Jolivet R.* L'acceptabilité des formes surcomposés // *Le français moderne*. 1984. 52. P. 159—182.
- Klenin 1993 — *Klenin E.* The Perfect Tense in the Laurentian Manuscript of 1377 // *American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists / Ed by R. A. Maguire, A. Timberlake*. Bratislava, August—September 1993. Literature. Linguistics. Poetics. Columbus, Ohio, 1993. P. 330—343.
- Lascares, Asher 1993 — *Lascares A., Asher N.* A Semantics and Pragmatics for the Pluperfect // *Proceedings of the Sixth Conference on European Chapter of the Association for Computational Linguistics*. Utrecht, 1993. P. 250—259.
- Levin-Steinmann 2004 — *Levin-Steinmann A.* Die Legende vom bulgarischen Renarrativ. Bedeutung und Funktionen der kopulalosen *l*-Periphrase. München, 2004. (Slavistische Beiträge, 437).
- Litvinov, Radčenko 1998 — *Litvinov V., Radčenko V.* Doppelte Perfektbildungen in der deutschen Literatursprache. Tübingen, 1998.
- Liver 1982 — *Liver R.* Manuel pratique de romanche, sursilvan-vallader. Précis de grammaire suivi d'un choix de textes. Chur, 1982.
- Maiden, Robustelli 2000 — *Maiden M., Robustelli C.* A Reference Grammar of Modern Italian. L., 2000.
- Plungian, van der Auwera (in print) — *Plungian V. A., van der Auwera J.* Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung = Language Typology and Universals* (in print).
- Salkie 1989 — *Salkie R.* 1989. Perfect and Pluperfect: What is the Relationship? // *Journal of Linguistics*. 1989. Vol. 25. 1. P. 1—34.
- van Schooneveld 1959 — *van Schooneveld C. H.* A Semantic Analysis of the Old Russian Finite Preterite System. 's-Gravenhage, 1959.
- Sherebkow 1971 — *Sherebkow W. A.* Doppelt zusammengesetzte Zeitformen in Deutschen? // *Deutsch als Fremdsprache*. 1971. 8. S. 27—29.
- Squartini 1999 — *Squartini M.* On the semantics of pluperfect: evidences from Germanic and Romance // *Linguistic Typology*. 1999. 3. P. 51—89.
- Thieroff 1992 — *Thieroff R.* Das finite Verb in Deutschen: Tempus-Modus-Distanz. Tübingen, 1992. (Studien zur deutschen Grammatik, 40).
- Thieroff 2000 — *Thieroff R.* On the areal distribution of the tense-aspect categories in Europe // Ed. by Ö. Dahl. *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin; New York, 2000. P. 265—308.
- Thomas 2000 — *Thomas P.-L.* Le plus-que-parfait en serbo-croate (bosniaque, croate, monténégrin, serbe) dans une approche contrastive avec le français // *Passé et parfait / Ed. by A. Carlier, V. Lagae, C. Benninger*. Amsterdam; Atlanta, 2000. P. 117—131. (Cahiers Chronos, 6).